

Ба Цзинь

- Дождь
- Сердце раба

Дождь

1936, источник: [здесь](#). 11 января, 2022.

1

Несколько дней подряд льет дождь; небо сплошь затянуто тучами.

С утра до позднего вечера я сижу за письменным столом. Стол стоит у окна, и, поднимая голову, я вижу, как дождевые ручейки струятся по стеклам. Взгляд мой уходит дальше, за окно, где виднеется лишь мутная пелена дождя; его капли с монотонным шорохом падают на каменные плиты двора.

Вначале этот шорох доходил лишь до моего слуха, затем постепенно проник в самую душу, лег камнем на сердце, мешал сосредоточиться. К вечеру текст стал расплываться перед глазами, я захлопнул книгу, встал, прошелся по комнате и закурил.

После двух-трех глубоких затажек в глазах потемнело, но я по-прежнему отчетливо слышал звук собственных шагов.

Чудовищная мысль пришла мне в голову: может быть, я один во всем мире? Эта мысль гнала меня из дома. Не медля больше, я бросил сигарету, надел пальто, шляпу и, поспешно спустившись по лестнице, через черный ход вышел на улицу.

В узком переулке было тихо. Ноги скользили по мокрым плитам тротуара, капли дождя били в лицо, заливали стекла очков. Но я не обращал внимания – внутри у меня пылал огонь. Я радовался дождю, который мог его загасить. Из переулка я вышел на довольно широкую улицу – передо мной расстилалась холодная пустота: тусклый свет фонарей дрожал над дверьми лавок, беззвучно катились коляски рикш. Мимо мелькали какие-то бесплотные тени. Все было мертво. Только дождь шумел настойчиво, неумолчно, ударяя каплями о безжизненную землю.

Я шел быстро, не замедляя шагов. С полей шляпы струилась вода, оседая брызгами на стеклах очков, но я не пытался их смахивать, даже не вынул рук из карманов пальто. Я ничего не видел впереди, и не старался увидеть. Что-то неведомое давило на меня своей тяжестью, и сопротивление было бесполезно. Единственное, что мне оставалось, – это идти и идти.

Но куда идти – я не знал, да и не хотел знать. Я шел по лужам, промочил ботинки, носки. Но лишь одна мысль владела мною – идти вперед, ни на секунду не останавливаясь, не то, казалось мне, меня схватят чьи-то цепкие руки.

Я миновал одну улицу... затем другую... передо мной по-прежнему лежала холодная пустота. Не знаю, как долго я шел, не замечая ни холода, ни усталости, но меня сжигал все тот же огонь, и холодные капли, пробравшись под одежду, не принесли ни малейшего облегчения.

У какого-то переулка я вдруг остановился и, даже не успев подумать, зачем я это делаю, свернул в него.

В переулке тоже было тихо. В редких окнах еще горел свет, но из них не доносилось ни шуток, ни смеха. У черного хода дома номер три я остановился, и лишь когда собрался постучать в дверь, со смешанным чувством изумления и испуга осознал, что здесь живет Юй.

За те четыре-пять дней, что мы не виделись, его и без того бледное лицо стало пепельно-серым. Увидев меня, он растерялся и молча провел вверх по лестнице в свою комнату.

– Зачем ты здесь? Я же не велел тебе приходить, – с укором произнес Юй, но тут же крепко, по-дружески пожал мне руку.

Я взглянул на него с признательностью, легонько высвободил руку и шепотом спросил:

– Ничего нового?

В глазах Юя появилось страдание; он кивнул было, но тут же с убитым видом покачал головой.

– Неужели нет никакой надежды? – спросил я и сам испугался своего вопроса.

Он тронул меня за плечо:

– Не так громко. – И помолчав, добавил: – Где она, мы не узнали, но говорят, условия в тюрьме сносные.

– А это точно?

– Кто знает! Во всяком случае, нам известно только это. Мы многим поручали разузнать о ней, но пока безуспешно. Боюсь, нам не удастся с ней увидеться.

Юй старался держаться спокойно. Несколько дней назад он говорил то же самое – очевидно, за это время не узнал ничего нового.

– Стой! Да ты весь мокрый, – воскликнул он вдруг. – Тебе не следовало приходить сюда. Надо быть осторожным.

С грустной улыбкой я снял пальто и намокшую шляпу, положил их на табурет и присел к письменному столу.

– Не могу я больше так жить, – вырвалось у меня. – Задыхаюсь один в своей комнате. Ты не знаешь, как это страшно – страшнее, чем в тюрьме.

– Больше выдержки! И старайся не думать о своих страданиях! – Он тоже сел, участливо поглядел на меня и стал уговаривать прерывающимся голосом: – Надо быть терпеливым. Разве я лучше живу? – Он замолчал и стал ерошить рукой волосы, что-то, видимо, его мучило, может быть, какие-нибудь горестные воспоминания? Я знал, что он думает о ней.

– Приехала ее мать... – Он опустил руки, с силой прижав их к столу. Затем, пересилив себя, тихо продолжал: – Она живет здесь. У меня не хватает духа сказать, что случилось с ее дочерью, да и скрывать нелегко. Ведь она тетка мне, я вырос у нее на глазах. Она договорилась с Хуа, что приедет сюда. Хуа сказала мне об этом. Тогда мы не думали, что такое случится. Сам посуди, как я могу сказать ей правду – ведь она уже немолода, скоро пятьдесят...

Голос его дрожал, и он умолк, чтобы не разрыдаться передо мной.

Хуа не раз говорила, что очень любит свою мать; часто рассказывала нам о том, какая она хорошая: оставшись вдовой, она не вышла вторично замуж, чтобы дать Хуа образование, вырастить ее. Ей так хотелось, этой умной, добросердечной женщине, чтобы Хуа нашла себе хорошего мужа и была счастлива. Она не всегда понимала дочь, но любила ее всей душой. А теперь... Я вспомнил, что говорила мне Хуа, и с трудом подавил боль в сердце.

– Надо во что бы то ни стало придумать, как спасти ее, – сказал я тихо, словно обращаясь к самому себе. Я мучительно думал над тем, как помочь девушке, но голова моя вдруг отяжелела, а мысли будто застыли.

– Что придумаешь, если никто не знает, куда ее увезли, – с горечью произнес Юй.

Я знал, что это не пустые слова, Юй делал все возможное, чтобы выяснить, где Хуа.

«Может быть, она уже покинула этот мир», – неожиданно пришло мне в голову; я попытался отогнать эту мысль, но она не уходила, и я невольно высказал ее вслух.

– Нет, нет, не может быть! – с жаром возразил Юй. будто от участи Хуа зависела и его жизнь; голос его понемногу окреп. Казалось, он был полон решимости вырвать Хуа из рук врагов. – Она же не совершила ничего противозаконного.

– А разве для них это имеет значение? – Я стремительно поднялся, опершись руками о стол, и стал опровергать его доводы: – Она не хотела влачить жалкое существование, как другие, говорила то, что думала, делала то, что считала нужным – разве этого для них не достаточно?

Юй молча, растерянно смотрел на меня. Я успокоился и снова сел. Перед моим взором возник холщовый мешок. лека... Вот меток падает в воду. В мешке мертвое тело. Я крепко зажмурился, так что глазам стало больно, сжал легко руками.

- Не может быть! Она живя - Решительный тон Юя заставил меня раскрыть глаза Но уверенность его вдруг погасла, и он с сомнением произнес:- Впрочем, все случилось так неожиданно. В наше время ни за что нельзя ручаться.

Сверху послышался кашель, но вскоре затих. Юй что произнес больше ни слова. Комната погрузилась в тишину, но мне казалось, что я все еще слышу кашель женщины. Это была мать Хуа, и я невольно вспомнил о дочери. Боль и гнев снова овладели мною.

- Она еще не спит, засыпает только глубокой ночью. - Лицо Юя вновь помрачнело, и, глядя на меня, он с грустью проговорил: - Все думает о дочери. Боюсь, она уже кое о чем догадалась. Я не умею лгать и мог легко себя выдать. Недаром она часто смотрит на меня так печально, с немым укором.

- Она не догадывается, - неопределенно произнес я.

Я не собирался его успокаивать - просто нужно было хоть что-то сказать, и мне самому стало легче.

- Придет день, и я все ей скажу; не могу больше лгать, - произнес Юй тихим голосом, исполненным покорности и отчаяния; мне казалось, что он ждет от меня какого-то ответа, но я промолчал. Испуганно взглянув на меня, он неожиданно воскликнул;

- Кровь. Кровь. У тебя на лице...

Поднеся руку к лицу, я провел до щеке - на ладони были следы крови.

- Подумаешь, кровь! Всего лишь капля, - равнодушно ответил я.

Юй молчал; лицо его выражало не то удивление, не то испуг.

Я боялся услышать его голос, боялся встретиться с ним взглядом, боялся этой гнетущей тишины. Я встал, надел пальто, шляпу и, не произнеся ни слова, направился вниз. Мои шаги, по-видимому, обеспокоили мать Ауа: она снова закашлялась. Звуки кашля гнали меня, как удары бича. Я стремительно сбежал с лестницы.

Юй поспешно спустился вслед за мной; тихо, но очень настойчиво он уговаривал меня быть осторожнее. Это я слышал уже не в первый раз. Буркнув что-то в ответ, я вышел на улицу.

Невидимый огонь по-прежнему жег меня. Все так же лил дождь, Я шлепал по лужам, разбрызгивая во все стороны воду. В разгоряченное лицо бил ледяной дождь, вокруг была кромешная тьма. Я вздохнул, поднял воротник и зашагал дальше.

Казалось, впереди все окутано туманом. Я весь вымок до нитки, от воды шляпа стала тяжелой, на брюки налипла жидкая грязь. Но я все шел и шел, только бы не возвращаться в холодную, пустую комнату, где я так измучился.

Я потерял счет улицам, но которым прошел, потом свернул в переулок, остановился у дверей какого-то дома и поднял голову: белый лист бумаги с черной цифрой 10 на выкрашенной оранжевой краской двери.

Мысли неожиданно прояснились. Я не стал стучаться, а отступил на два шага и впился взглядом в неосвещенное окно наверху, черное и безжизненное. Совсем недавно стоило мне позвать: «Хуа», – как тотчас в окне доказывалась девушка, махала мне рукой, затем спускалась вниз и открывала дверь, За круглым столиком мы пили чай, обсуждая самые различные вопросы. Я рассказывал о том, что сделал за день-два, пока мы не виделись, а она с жаром говорила о своей работе; иногда задавала вопросы до прочитанным книгам, нежно глядя на меня своими большими угольно-черными глазами, она Изливала все, что было у нее на душе, я же в свою очередь открывал ей свои самые сокровенные мысли. Такие встречи происходили у нас часто, иногда приходил и Юй. Еще дней десять назад я и Юй навестили ее и просидели в этой комнатке несколько часов. Но теперь все изменилось, и так неожиданно.

Друзья не раз меня предупреждали, чтобы я не приходил сюда, но ноги сами несли меня к этому дому, хотя я знал, что уже не найду здесь Хуа.

Не было сил уйти, и я, не отрываясь, смотрю на плотно закрытое темное окно – новые жильцы, по-видимому, еще не въехали. Вдруг я подумал, что Ауа дома и просто уснула, но тут же горько усмехнулся. Неожиданно передо мной мелькнули угольно-черные глаза, и казалось, только дождевые капли на очках мешают мне как следует их разглядеть. Так, под проливным дождем, я стоял до тех пор, пока в одном из соседних домов с шумом не распахнулась дверь; тут я подумал, что пора уходить – ведь меня могли увидеть.

Безжизненно-тусклые фонари едва освещали улицы; приказчик в папиросной лавке закрывал ставни; навстречу мне попало двое-трое прохожих с зонтиками. Но все это словно меня не касалось. Л вдруг ощутил себя совершенно чужим в этом большом городе, и мне стало еще тяжелее, а огонь в душе жег все сильнее и сильнее. Я даже не ощущал дождя, который не ослабевал. Я шел по краю мостовой, едва волоча отяжелевшие, в облепленных грязью ботинках ноги, как вдруг услышал резкий сигнал несшегося на большой скорости автомобиля и отскочил в сторону. Меня обдало грязью, и вслед за тем я услышал звонкий смех.

«Насколько люди безразличны друг к другу!» – усмехнулся я с грустью, В то время как мысли, одна страшней другой, терзают мне мозг, другие весело смеются. Никому нет дела до моих страданий. Одиночество угнетало меня, вселяло в сердце невыразимую тоску. Пальцы рук, засунутых в карманы пальто, с хрустом сжались в кулаки. Пусть дождь льет сильнее и сильнее, пока потоп не поглотит меня и все окружающее!

Но дождь стал затихать. Стиснув зубы, охваченный отчаянием, я шел вперед. Я больше не видел холодных улиц, мне было все равно, куда идти. Вот еще переулок. Свернул в него и очутился у дома номер три. Я стоял у ворот со смешанным чувством страха и нерешительности: войти или не войти.

Я не хотел приходить сюда, боясь увидеть печальное лицо друга, услышать кашель несчастной женщины; я не смел протянуть руку и постучать, но ноги, как нарочно, снова привели меня сюда.

Я взглянул вверх: окно не светилось и было плотно закрыто, как и то, другое, которое я только что видел. Очевидно, женщина спит! Я многое бы дал, чтобы знать, что ей снится. Несомненно, веселая, жизнерадостная Хуа. Мысли мои обратились к матери Хуа. У нее было доброе лицо. Хуа показывала мне ее фотокарточку. Глазами и линией рта Хуа напоминала мать. Мной вдруг овладело желание увидеть мать Хуа, настолько сильное, что я не мог его преодолеть. Но ее сухой кашель терзал мне сердце, и я понял, что не смогу войти. Вздохнул и пошел дальше.

Домой я возвращался быстро, словно за мной гнались. Ни разу не остановился, не оглянулся и пришел, шатаясь от усталости.

2

На улице пасмурно и холодно. Хмурое небо лишает последней надежды. Я не нахожу себе места, не могу ни лежать, ни сидеть, хожу по комнате и курю сигарету за сигаретой, пока не закружится голова.

Вчера никто ко мне не приходил, и я ничего не знаю. Мучаюсь мыслями о Хуа. Ждал, что друзья хоть что-нибудь сообщат, но никто так и не постучал в мою дверь. Я вышел, побродил немного у дома Хуа и уныло поплелся домой. Всю ночь мне снилась Хуа, ее лицо, тоненькая фигурка.

Но, проснувшись, я уже не мог увидеть ее так же отчетливо.

Я снова стал шагать по комнате, но вскоре устал и сел к столу. Полистал какую-то книгу, прочел вслух несколько фраз, не вникая в смысл прочитанного.

Тихонько скрипнула дверь. Я поднял голову. Хуа тенью скользнула в комнату и, как обычно, слегка улыбнулась.

– Хуа! – крикнул я с радостным испугом, вскочив с места.

Но дверь была по-прежнему заперта. Нет, Хуа не придет!

Я порылся в ящиках стола, в книжном шкафу, надеясь найти хоть что-нибудь, напоминающее о девушке. Перерыл все, но так ничего ж не нашел. Ни бумаг, ни писем. Правда, в моем дневнике было немало записей о Хуа, и, листая его, я словно видел перед собой девушку; часто говорил ей, смеясь, что она живет в моем дневнике. Но теперь и дневник был уничтожен. Как же восстановить в памяти ее облик?

В одной из старых книг я совершенно неожиданно обнаружил поблекшую от времени фотографию. На ней были Хуа, я и еще двое товарищей. Обычно такой группой мы не

фотографировались, но в тот раз – не знаю почему – снялись в парке. Это было два года назад, когда Хуа еще носила косички.

Я долго смотрел на фотографию, пытаюсь вспомнить то счастливое время, но на выцветшей фотографии Хуа трудно было узнать. Я с грустью держал в руках эту единственную фотографию, зная, что и ее придется уничтожить.

С трудом дождался я вечера, когда пришел Юй. За те два дня, что мы не видались, у него прибавилась прядь седых волос.

– Какие новости? – спросил я, замирая от страха.

– Боюсь, что все кончено, – с болью в голосе ответил он и устало прилег на кровать.

Я ждал такого ответа и не стал больше спрашивать, лишь ходил по комнате и курил.

– Хуан! – позвал меня Юй, поднявшись с кровати. – Надежды, видимо, нет, – сказал он. – Они отрицают, что Хуа была у них; говорят, будто о такой не слышали. Значит, ее нет в живых. Ты был прав.

Полные отчаяния, воспаленные глаза друга были устремлены на меня. Казалось, он сейчас разрыдается. Но он сдержал слезы, только лицо его исказилось от боли.

Юй подтвердил предположение, высказанное мной в тот вечер, но сейчас мне стало страшно.

– А что будет с матерью Хуа? – спросил я.

– Вернется домой, – ответил Юй упавшим голосом.

– Домой? Не дождавшись дочери?

– Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. – Он подошел к столу и сел. – Я обо всем ей рассказал, не мог больше выдержать. Вчера вечером вернулся поздно, в ее комнате было темно, и я подумал, что она спит. Но не успел войти к себе, как она окликнула меня и робко вошла. Волосы ее были растрепаны, она едва держалась на ногах от усталости. Сказала, что вот уж несколько ночей не спит, чувствует, что с дочерью случилась беда. Умоляла сказать правду. О многом она сама догадалась. Я пытался скрыть от нее правду, тогда она заплакала. Ты же знаешь, Хуан, я вырос у нее на руках, она вынянчила меня.

Она терзалась и умоляла лишь об одном – сказать ей все, как есть. Мог ли я не внять ее мольбам? Помню, Хуа приехала поступать в институт, и тетя наказала мне хорошенько заботиться о дочери, не давать ей в обиду и всегда горячо меня благодарила, когда я приезжал домой. А теперь... Подумай, Хуан, мог ли я спокойно лгать ей? Я забыл, что мои слова могут ее убить. И рассказал всю правду...

Юй был убит горем и совершенно не владел собой.

Я глубоко ему сочувствовал и, чувствуя, как снова начинает жечь в груди, взглядом спросил: «Ну, а потом?»

– Она не сделала ничего безрассудного, – продолжал Юй после некоторого молчания, – даже не закричала; лишь дрожала всем телом, и казалось, сейчас упадет. Ее глаза, полные слез, смотрели на меня с укором и сожалением; она сказала: «Я давно этого ждала, давно... хотя все двадцать лет надеялась, что этого не случится. Кто знал, что все кончится так же, как тогда!» Она опустилась на стул, стоявший в углу, и застонала. В ее стоне мне почудились и смех и рыдания... «Уж не помутился ли у нее рассудок», – подумал я, не зная, что предпринять. Я подошел к ней, но лицо ее выражало лишь страдание, на нем не было и следов помешательства, по щекам текли слезы. Не успел я и слова вымолвить, как она с горечью сказала: «Не надо меня утешать. Я все понимаю и давно готова к этому. Характером Хуа очень похожа на своего отца, и я все время опасалась, что ее ожидает та же участь. Я назвала ее Жо-хуа,[1] не читала ей книг, хотела учить ее лишь вышиванию и мечтала, что она вырастет, найдет себе мужа и мирно и счастливо проживет жизнь. Тогда не пропало бы зря ее воспитание, которое так тяжело мне далось. Но я слишком сильно любила ее – ее нельзя было не любить. Она так просила отпустить ее учиться, что отказаться я не могла. Я разрешала ей все, чего бы она ни захотела. Это не удивительно – я слишком слабовольна. Не отпусти я ее учиться, возможно, этого бы не случилось. Ты не знаешь, что было с твоим дядей, ее отцом... Я скрывала это даже от Жо-хуа. Мой муж умер в тюрьме, не пробыв там и двух месяцев – не выдержал истязаний. Это было в последнем году правления «Сюаньтун»;[2] я как раз готовилась стать матерью. На свиданиях в тюрьме он рассказал мне, ради чего пошел на это. За себя он не боялся, лишь за меня и за будущего ребенка. Он верил, что родится мальчик, и хотел, чтобы я воспитала его продолжателем дела отца. Я спросила: «А если родится девочка?» Он ответил разочарованно: «Тогда выдай ее по своему усмотрению замуж».

Через два месяца после его гибели на свет появилась Жо-хуа. Я была счастлива, что родилась девочка, и думала, что, по крайней мере, смогу уберечь ее... Кто мог предполагать, что и дочь пойдет по стопам отца!»

Она замолчала; глаза ее смежились, голова, откинута на спинку стула, слегка покачивалась. Только теперь мне стало ясно, что она разбирается во всем лучше меня. Ее рассказ меня взволновал, но вместе с тем отнял у меня последнюю крупницу надежды. Я неожиданно осознал: то, что случилось с Хуа, вполне закономерно, этого нельзя было избежать. Подобный вывод прозвучал словно смертный приговор мне самому.

Вдруг тетя поднялась. Ласково глядя на меня, она вздохнула: «Я тебя не виню, ни в чем не виню». Нетвердой походкой она вышла из комнаты. В эту ночь она, по-видимому, не сомкнула глаз и все время кашляла. Ее кашель напомнил мне о тяжелой жизни этой женщины. Помимо собственных страданий, я как бы переживал теперь и ее страдания. Мне тоже не спалось. Утром я собрался выйти из дому. В комнате у тети было тихо, и я подумал, что она спит. Но когда я проходил мимо, дверь открылась, и она позвала меня. Лицо ее было мертвенно-бледным. «Подожду еще день, – произнесла она слабым голосом, – и завтра после обеда вернусь домой». Ничего не добавив и не дожидаясь моего ответа, она прикрыла дверь. Я стоял на лестнице, размышлял, стоит ли войти и поговорить с ней. Тут я услышал

тихий плач. Мне стало не по себе. Я не стал беспокоить ее и быстро ушел. После службы зашел кое-куда, а потом – к тебе. Все говорят, что я болен. Мог ли я за эти дни не заболеть?! В таком состоянии я долго не продержусь!

Юй встал, подошел к кровати и тут же свалился как подкошенный. Пока он говорил, я не видел его лица, и он не мог видеть моего. Комната давно погрузилась в темноту, а я не зажигал света.

Я сел за стол, туда, где только что сидел Юй. Он молча лежал на кровати.

Так, в темноте, мы провели довольно много времени. Он тяжело дышал. Мало-помалу я потерял способность думать и чувствовать; на душе у меня была пустота – казалось, я мертв.

Наконец Юй встал, включил свет и сказал:

– Я пойду. Если что-нибудь узнаю, сообщу. Будь осторожен и без надобности никуда не выходи!

Он тихо ушел. Я остался один.

Я хорошо слышал, что он сказал, и собирался последовать его совету, но не прошло и часа, как я снова оказался на улице. Ноги не давали покоя – они несли меня к тому месту, которое пыталось забыть мое сердце.

3

Проснулся я поздно: солнце уже заглядывало в окно. Накануне весь вечер бродил по улицам. Не помню, когда вернулся домой, когда уснул.

Выходя из того переулочка, я увидел впереди себя девушку, фигурой очень походившую на Хуа. Я долго шел за ней по пятам, все время порываясь позвать ее но голос не повиновался мне – я отчетливо понимал, что это не может быть Хуа. Я вспомнил слова Юя: «Боюсь что все кончено». Но даже встреча с незнакомой женщиной, напоминавшей Хуа, принесла некоторое утешение. Я потерял ее из виду лишь на одном из перекрестков, где путь мне преградили машины. Женщина исчезла так же бесследно, как и Хуа.

Постепенно воспоминания мои стали более отчетливыми. Я раскрыл окно, подставил голову ласковым лучам солнца и снова попытался восстановить в памяти события прошлого вечера. Может быть, та женщина была действительно Хуа? Но ото уже не могло меня успокоить: в душе моей бушевали горечь и гнев. Совет Юя быть осторожным, всплывший почему-то в памяти, причинил еще большие мучения: я не могу жить, скрываясь ото всех, не могу прятаться и бездействовать, не могу позволить себе терзаться переживаниями.

Я не переставая курил, но это не помогало, меня одолели воспоминания. Сквозь сизые облачка дыма перед взором моим по-прежнему стояли угольно-черные глаза, в ушах звучал

кашель. Я понимал, что эти мучения никогда не кончатся. Надо что-то делать, чтобы не сойти с ума.

Около двух часов дня пришел Юй, мрачный, с покрасневшими и вспухшими глазами – было ясно, что он плакал. Я ждал его прихода и даже догадывался, что он скажет.

Мы обменялись тревожными взглядами. Он заговорил первый:

– Только что проводил тетю. Когда поезд уходил, она не плакала, плакал я. Она окончательно рассталась с дочерью; еще раз поручила мне узнать о ней и сказала, что стойко перенесет любой удар, как бы тяжел он ни был. Но я не верил в это, я видел, что, пробив здесь всего несколько дней, она так подалась, словно перенесла тяжелую болезнь. Сильно кашляла и похудела до неузнаваемости. Я чувствовал себя преступником. Поэтому и плакал...

Голос его задрожал. Не в силах продолжать, он снова зарыдал.

Мне было очень тяжело: к пережитым страданиям прибавились еще страдания Юя. Мир велик, но Юй, видимо, решил сосредоточить все страдания в одной-единственной комнате. Я так ждал его прихода, а он лишь плакал передо мной, усугубив мое отчаяние, увеличив тяжесть на сердце.

– Зачем ты плачешь, Юй? Даже мать Хуа не плакала. Сколько слез пролито! Целое море! А пользы никакой! Возьми себя в руки и успокойся!

Я не собирался упрекать Юя, просто хотел преодолеть обрушившееся на нас горе. Я столько вытерпел! Но теперь пришла пора сбросить бремя страданий.

Юй испуганно глядел на меня, видимо, не понимая, что со мной происходит. Однако всхлипывать он перестал и сказал, утирая слезы:

– Я не плачу... не плачу... только Хуа уже нет.

Он вытащил из-за пазухи смятый листок бумаги и протянул мне.

Дрожащей рукой я вырвал у него записку. Глаза мои впелись в обтрепанный листок, на котором карандашом было написано:

“ «Мое положение безнадежно; конечно, возможен любой исход, но я думаю, что конец наступит очень скоро, и удивляться не следует. Я часто вспоминаю прошлое. Однако не раскаиваюсь, даже рада, и никогда не забуду вас. Хорошенько смотрите за моей матерью! Она слишком любит меня и может не перенести удара. Самое лучшее, чтобы она не узнала всего сразу. Подготовьте ее к этому. Не забывайте меня, будьте осторожны...

Хуа».

Я прочел записку раз, другой, пока каждое слово, каждая фраза не откликнулась эхом в моей душе. Я ощутил какое-то успокоение, будто Хуа была рядом и разговаривала со мной.

– Человек, доставивший это письмо, сказал, что ее уже нет в живых. – Голос Юя похоронным звоном отдавался у меня в ушах. – Я скрыл это от тети, не мог поступить вопреки воле Хуа. Но я солгал в последний раз.

Юй тихо плакал, и сердце мое, минуту назад ощутившее успокоение, вновь тревожно забилося. В нем звучал голос Хуа: «Я часто вспоминаю прошлое!» Этот голос я слышал в последний раз. Но разве я мог вернуть Хуа, сказать ей, что я тоже вспоминаю прошлое?! Теперь было уже поздно! Между мной и ею лежал целый мир. Мною снова овладело отчаяние. Даже солнце потускнело, вновь собирался дождь. Все вокруг было серым, тоскливым, грустным, безнадежным.

Я не мог слышать, как плачет Юй. Пусть он и другие предупреждают меня, пусть даже меня постигнет участь Хуа, – я не стану больше прятаться. Я должен выйти из дому, что-то сделать! Медлить нельзя – потом будет слишком поздно!

– Юй! Пошли к Чэну!

– Но ведь начался дождь, – в раздумье тихо проговорил Юй и смахнул слезы.

Я взглянул за окно: первые капли дождя, падая на оконное стекло, бессильно повисали на нем. Было тихо. Горькая усмешка тронула мои губы. Я решительно выпрямился. Что для нас дождь? Пойдем!

Примечания

[1] Подобная цветку.

[2] То есть в 1911 г.

Сердце раба

1931, источник: [здесь](#). 11 января, 2022.

– Мои предки были рабами! – с гордостью сказал мне однажды Пэн.

У меня много друзей, и все они, рассказывая о своих предках, самодовольно заявляют: «Мои предки имели рабов!» Многие из друзей и поныне владеют рабами, у некоторых, правда, рабов совсем мало, а то и вообще нет; поэтому в разговорах друзья нет-нет да и вспомнят с горечью былые деньки.

А я сам? Как подсказывает мне память, у моего прадеда было четыре раба, у деда – восемь, у отца – шестнадцать. Эти шестнадцать рабов принадлежали мне. Самодовольство распирало меня: я рабовладелец. Но мало того, я намерен был вдвое увеличить количество рабов.

И вот в моей жизни появился Пэн: он спокойно, без тени стыда, даже с гордостью заявил, что его предки были рабами. Мне казалось: он сошел с ума.

Я не знал его прошлого, но он был моим приятелем. Я познакомился с ним так же, как с остальными друзьями, совершенно случайно. Он случайно вторгся в мою жизнь.

Вот как было дело: однажды после полудня я возвращался из университета. Я брел по мостовой, погруженный в свои мысли. Сзади меня нагоняла машина, шофер непрерывно сигналил, но я не слышал. Еще момент, и все было бы кончено, но внезапно чья-то железная рука схватила меня и отбросила в сторону. Придя в себя, я оглянулся и увидел худощавого юношу с совершенно бесстрастным лицом. Я сердечно поблагодарил его. Не отвечая, даже не улыбнувшись, он только раз-другой смерил меня холодным взглядом. Но что это был за взгляд! Затем словно про себя сказал:

– В следующий раз будьте повнимательнее, – и ушел с высоко поднятой головой.

Так состоялось наше знакомство.

Мы учились в университете на разных факультетах: я изучал литературу, он – общественные науки. Мы слушали лекции в разных аудиториях, но виделись часто и каждый раз при встрече перебрасывались двумя-тремя фразами или проходили мимо, обменявшись равнодушными взглядами. Но в конце концов мы стали приятелями. Наши разговоры всегда были лаконичны, но мы никогда не говорили друг другу банальностей, вроде: «Какая хорошая погода». Слова, которыми мы обменивались, были отточены, как бритва.

Нас как будто связывала крепкая дружба, но я недолюбливал Пэна. Я подружился с ним, движимый чувством признательности и любопытства. Возможно, я уважал его, но питал к

нему глубокую антипатию. В выражении его лица, в его речи, в манере держаться не хватало теплоты. Где бы он ни был, он всегда казался холодным и бесчувственным. Мне ничего не было о нем известно: он никогда не рассказывал о себе. Впрочем, судя по его жизни в университете, можно было заключить, что он из небогатой семьи. Не в пример многим студентам, он отличался бережливостью, не носил европейского костюма, не ходил в кино и на танцы. В свободное от лекций время либо читал, либо в одиночестве прогуливался по площадке или около университета. Он никогда не улыбался и постоянно пребывал в глубокой задумчивости.

Да, он постоянно о чем-то думал. За три года, что мы проучились вместе, я убедился в этом.

Однажды я не удержался и спросил:

- О чем ты думаешь целыми днями, Пэн?

- Ты не поймешь, - бесстрастно и холодно ответил он и, повернувшись, ушел.

Он был прав: я действительно не понимал, почему человек в его возрасте должен быть таким мрачным, непохожим на других; почему должен отказываться от всех удовольствий и замыкаться в себе, - этого я не мог постичь. И именно потому, что это казалось мне странным, я еще больше стремился разобраться во всем. Теперь я стал внимательнее следить за поведением Пэна, интересоваться книгами, которые он читал, присматриваться к людям, с которыми он встречался.

Друзей у него, кроме меня, почти не было. Разумеется, он был знаком кое с кем, но никогда ни с кем не сближался и не заводил друзей. Разговаривая, не менял выражения лица. И хотя мы с ним были давно знакомы, относился ко мне холодно. Видимо, из-за этого он и не нравился мне.

Ознакомившись с книгами, которые он читал, я понял, что читает он совершенно бессистемно, авторов многих книг я вообще не знал. Этим книгам никто не спрашивал, они годами лежали на полках библиотеки. Пэн глотал все подряд: сегодня - романы, завтра - философские трактаты, потом переходил к истории. Откровенно говоря, понять его, судя по той литературе, которую он читал, было тоже нелегко: я не мог знать содержания книг, не прочитав их от корки до корки.

Однажды вечером Пэн неожиданно зашел ко мне. Мы не виделись более двух недель. В том семестре я жил вне университета, снимал поблизости удобную комнату; она находилась в верхнем этаже, и из окна ее открывался вид на университет, расположенную перед ним улицу и недавно сооруженную площадку для гольфа.

Войдя в комнату, Пэн бесцеремонно опустил на белоснежное покрывало софы и стряхнул пыль со своего старого поношенного халата. Некоторое время он молчал. Я сидел за столом и читал. Поднял голову, взглянул на него и опять уткнулся в книгу. И все же меня не покидала мысль, что на моей чистой софе сидит Пэн в старом халате.

- Ты не знаешь, Чжэн, сколько сейчас в Китае рабов? – спросил он вдруг своим обычным глухим голосом.

- Несколько миллионов, – ляпнул я, не задумываясь. Я не знал, верна ли эта цифра, но на днях слышал ее от одного приятеля. Меня этот вопрос никогда не интересовал.

- Несколько миллионов? Нет, десятки миллионов! – В его голосе зазвучала горечь. – Если понимать слово «рабство» шире, то, пожалуй, больше половины китайского народа – рабы.

«Как бы то ни было, сам я не раб, – подумал я с удовлетворением и взглянул на Пэна. – Почему он такой грустный?»

- А у тебя есть рабы? – спросил он вдруг без обиняков.

Я подумал: «Если он презирает меня за то, что у меня нет рабов, он ошибается – ведь у меня их шестнадцать». На губах моих заиграла самодовольная улыбка, и я гордо ответил:

- Разумеется, есть. Целых шестнадцать!

Он холодно усмехнулся. Брошенный на меня взгляд не выражал ни уважения, ни восхищения, одно лишь презрение. Он выказал пренебрежение к человеку, владеющему шестнадцатью рабами. Мыслимо ли это? Я глазам своим не верил, не понимал – почему? Я стал над этим размышлять. Внезапно меня осенило: возможно, он ведет себя так странно из зависти, ибо, судя по его достаткам, у него, конечно, нет рабов. И тогда я спросил его с участием:

- У вас в семье, наверное, не было рабов?

Он снова посмотрел на меня. На этот раз его взгляд был преисполнен гордости.

- Мои предки сами были рабами! – сказал он с достоинством. Он произнес это без малейшего стыда, словно говорил о своих заслугах.

Я пришел в еще большее изумление:

- Не может быть! Зачем ты скромничаешь? Ведь мы с тобой друзья.

- К чему мне скромничать, – удивился он, будто я произнес что-то необычное.

- Но ведь ты ясно сказал, что твои предки были рабами, – пояснил я.

- Мои предки в самом деле были рабами.

- Однако ты учишься в университете... – Я все еще отказывался верить его словам.

- Ты хочешь сказать, что потомки рабов не должны учиться в университете? – спросил он вызывающе. – Так ведь и твои предки вряд ли были свободными.

Я подскочил, схватившись руками за голову, словно меня ударили плетью. Мне было нанесено смертельное оскорбление. Я подошел к Пэну и бросил на него гневный взгляд:

- Ты думаешь, у меня предки такие же, как у тебя? Нет. Тысячу раз нет! Говорю тебе: у моего отца шестнадцать рабов, у деда было восемь, у прадеда - четыре. У моих древних предков тоже были рабы.

Откровенно говоря, я точно ничего не знал. Возможно, прадед мой был мелким торговцем и не имел рабов; может быть, сам он был дальним потомком раба. Но в мечтах своих я постоянно видел его сановником, владеющим прекрасным дворцом, наложницами и сотнями рабов.

Иногда я говорил:

- Мой прапрадед был сановником!

И вдруг Пэн осмелился так оскорбить меня, заявить, будто я - потомок раба. Ни разу в жизни я не терпел подобной обиды. И не потерплю! Я отомщу! Я бросил на Пэна взор, полный негодования. Наши взгляды скрестились, и вдруг, к удивлению своему, я почувствовал, как под его холодным ненавидящим взглядом постепенно улетучилось мое возбуждение. Ко мне вернулось спокойствие. Я подумал, что нужно быть с ним повежливее: ведь он спас меня. И я вернулся на свое место.

- Да, я верю тебе, - голос его был тверд. - такие, как ты, безусловно являются выходцами из рабовладельческой семьи, а такие, как я, - нет. Именно поэтому я горжусь собой. - В его словах звучала явная насмешка.

Я был уверен, что он ослеплен завистью, и рассмеялся. На его лице появилось выражение гнева. Он взмахнул рукой так, словно хотел, чтобы я исчез с его глаз.

- Ты смеешься? Да, я горжусь своим происхождением, чувства рабов близки мне... Но тебе не понять этого. Что можешь знать ты, предающийся сладостным снам под теплым одеялом в роскошном доме?... Как страстно желал бы я, чтобы раскрылись глаза у таких людей, как ты... Да, я потомок рабов! И не собираюсь скрывать этого. Могу во всеуслышание заявить, что я потомок рабов. Мои родители были рабами, мой дед был рабом, и мой прадед был рабом. Вряд ли в роду у нас найдется человек, который не был бы рабом.

Я подумал: он явно не в себе, и лучше всего под каким-нибудь предлогом выпроводить его, чтобы не натворил беды. Но тут он снова заговорил:

- Да, у тебя шестнадцать рабов. Ты доволен, весел, горд. Но известно ли тебе, как живут твои рабы? Знаешь ли ты вообще историю жизни хоть одного, да, хотя бы одного раба?... Нет, ты не можешь знать! Ладно, я расскажу тебе...

Мой дед был очень преданным рабом. Я не встречал людей более преданных, чем он. Чуть не полвека, не покладая рук, трудился он на своего господина. Сын раба, он с самого детства был рабом. Я помню его только седым. Тогда мы жили в лачуге около господского

дома – отец, мать, дед и я. Однако мать редко спала в нашей каморке: она должна была прислуживать наверху госпоже и ее дочери. Я часто слышал, как господин и его сын ругали моего деда, а он, красный, с опущенной головой, непрерывно повторял: «Да, слушаюсь...» – и работал еще усерднее. Зимой, когда ветер сотрясал крышу нашей жалкой лачуги и холод проникал во все щели – я, отец и дед от холода не могли заснуть под ветхим одеялом на жесткой кровати. Мы собирали сучья, листья и сухую траву, разжигали на земляном полу костер и грелись, усевшись на корточки. Тогда дед садился на своего конька и во всех подробностях рассказывал случаи из своей жизни, а затем начинались его поучения о том, что я должен стать настоящим, честным человеком и так же преданно, как он, служить господину, ибо добро всегда будет вознаграждено. Отец разговорчивостью не отличался. Когда заканчивались поучения деда, костер уже угасал, да и время было позднее. Мы ложились втроем на одну кровать и, обняв друг друга, мерзли всю ночь. Наконец пришло «вознаграждение», о котором говорил дед. Однажды ранним утром он исчез. Его нашли повесившимся на суку ясеня в господском саду. Я не видел его лица после смерти: мать не разрешила мне взглянуть, деда поспешно готовили к погребению. Он лежал на топчане, верхняя часть тела была прикрыта рогожей, и я увидел большие грязные ноги. С тех пор дед исчез из моей жизни. Никогда больше я его не видел. Почему он повесился? Говорили, причина очень проста. За день до его смерти господин обнаружил, что у него пропала ценная вещь, и сказал, что наверняка ее стащил дед и продал. Дед оправдывался, уверяя, что всегда был очень предан господину и не посмел бы украсть. В ответ господин надавал деду пощечин, обругал и потребовал, чтобы он возместил пропажу. Деду было очень стыдно: он чувствовал, что господин не простит его, что он не вернет доверия господина и никогда не сможет отблагодарить его за доброту. Горе его было беспредельно. Вдобавок ко всему, будучи рабом, он не имел никаких сбережений и не мог выплатить требуемую сумму. И вот после пятидесяти лет верной службы он удавился на ремне, перекинув его через сук ясеня. Таково было «вознаграждение», в которое верил дед. Дворня жалела его, но все считали деда повинным в краже. Я оказался не только потомком рабов, но и внуком вора. Но я не верил, что дедушка вор. Я знал: он не мог этого сделать, он был честным. Как всегда по вечерам, отец обнимал меня и тут же засыпал, измученный за день работой. Тогда я вспоминал своего милого дедушку. Я не мог заснуть. Мысленно я видел его доброе лицо. Слезы застилали мне глаза. Однажды мне показалось, что я лежу в объятиях деда. Крепко обняв его, я взволнованно сказал: «Дедушка, я знаю, ты не мог украсть. Я в этом уверен!» «Ню-эр, что ты говоришь?» – раздался голос отца. (Я родился под знаком быка, поэтому в детском возрасте меня называли Ню-эр.) Я протер глаза. Образ деда исчез, рядом со мной лежал отец. Я громко заплакал. Теперь и отец не мог заснуть. Он понял мое горе и тоже всплакнул. «Ню-эр, ты прав, – утешал он меня, – наш дед не обокрал господина. Я знаю, кто стащил ту вещь». Я начал тормошить отца, взволнованно упрашивать: «Скажи кто. Скажи! Ты знаешь. Ты должен сказать мне». Отец, по-видимому, был в затруднении. Он помедлил, сквозь слезы поглядел на меня и, вздохнув, горько произнес: «Поклянись, что никому не расскажешь». Я поклялся. И хотя клятва ребенка ненадежна, он поверил мне. «Вещь украл сын нашего господина, – печальным голосом произнес отец. – Дед тоже об этом знал. Только сказать не смел. И решил расстаться с жизнью. Теперь деда нет и рассказывать правду бесполезно: кто поверит?...»

Лицо Пэна выражало страдание. Помолчав, он горько усмехнулся и добавил:

– Может, отец говорил другими словами, но смысл их я хорошо запомнил. Поверь, я не придумываю.

Я молча кивнул головой. Он продолжал:

– Хотя мне были непонятны доводы отца, но я поверил ему и больше не расспрашивал. Я только вспоминал своего деда и оплакивал его. Но были живы отец и мать. Я любил их, они любили меня. После смерти деда лицо отца всегда было печальным, я редко видел его улыбающимся. Однажды вечером – это было зимой – мы с отцом грелись дома у огня. Вдруг на улице раздался шум: кто-то громко взывал о помощи и стонал. Я испугался, торопливо укрылся в объятиях отца, крепко обхватив его за шею. Отец ласково шептал мне на ухо: «Ничего не бойся! С тобой папа». Потом на улице все смолкло. Вскоре кто-то кликнул отца и сказал, что его требует господин. Отец ушел и долго не возвращался. Я сидел дома один и сильно трусил. Наконец отец вернулся вместе с матерью. У обоих были заплаканные лица. Обняв меня, отец долго плакал, и мне пришлось несколько раз окликнуть его. Он заговорил с матерью о чем-то печальном. Я уже не помню, о чем шел разговор, – смысл некоторых слов я тогда еще не понимал. В памяти остались лишь фразы: «Мне лучше умереть. Какая польза от моей жизни? Мы рабы нашего господина. Мы должны ему повиноваться... У нас могут родиться еще дети, у детей появятся внуки, но все они будут рабами, и ни один не избежит рабской доли. Стоит ли жить для того, чтобы сын стал рабом, чтобы продолжался рабский род? Нет, лучше я продам свою жизнь господину. Тогда Нью-эр сможет учиться и стать человеком...»

Глаза Пэна покраснели. Помолчав, он снова продолжал: – Голос отца до сих пор отчетливо звучит в моих ушах, я буду помнить его всю жизнь. Я невольно приукрасил его слова, специально для тебя, но если бы даже я не сделал этого, ты мог бы почувствовать горячее сердце моего отца... Мать не ответила. Обняв отца, она горько плакала и причитала: «Зачем ты покидаешь меня?» Я не понимал, почему родители так убиваются, но тоже плакал. На следующее утро, когда мы еще спали, за отцом пришли. Мать, уцепившись за его рукава, плакала. Глядя на мать, я тоже плакал и хватался за отца. Нам сказали, что отец прошлой ночью убил человека. Я не поверил: ведь прошлой ночью он вместе со мной грелся у огня. Когда на улице поднялся шум, я сидел у отца на коленях, он был со мной и потому не мог убить на улице человека. Теперь мать казалась безучастной ко всему. Уронив голову, она молчала, позволив увести отца. Я был очень возбужден. Схватив отца за рукав, я хотел спросить его обо всем, но не успел произнести и слова, как меня отшвырнули, а отца увели. С тех пор из моей жизни исчез и отец. Я уже никогда его не увижу. Говорили, что через несколько месяцев он умер в тюрьме. Мать больше не работала в господском доме. Мы переехали в лучшее помещение, а я получил возможность учиться. Конечно, наши расходы оплачивались господином. Он купил жизнь моего отца: отец умер вместо его сына (впоследствии я узнал, что убийство совершил сын господина). Господин не нарушил обещания... Но ты думаешь, я признателен ему? Нет, я его ненавижу, ненавижу его сына. Они мои враги. Они погубили моего деда и отца. И все же я должен пользоваться их деньгами: за них заплатил жизнью отец. Он пожертвовал своей жизнью, чтобы я мог учиться в университете. Отец достиг своей цели. Как бы то ни было, на мне должен прекратиться род рабов.

Пэн замолчал. Искраженное гримасой лицо его выражало гнев и в то же время покорность. Он до крови закусил губу, желая, видимо, совладать с собой. Мне казалось, что он что-то скрывает. Его рассказ несколько тронул меня, но я не выдержал и окинул его острым, испытующим взглядом, словно спрашивая: «Какую же тайну ты скрываешь?»

Пэн, видимо, понял мою мысль и вдруг побагровел то ли от стыда, то ли от гнева. Он поднялся, прошелся по комнате и снова сел.

– Да, я не все рассказал, – продолжал он. – Но сейчас доскажу. Однажды, вернувшись из школы раньше обычного, я увидел, что мать с каким-то мужчиной сидят на кровати. Они не заметили меня. Спрятавшись за дверь, я принялся за ними наблюдать. Стыд и гнев распирала мне грудь. «Я учусь в школе, стараюсь добросовестно заниматься, а мать забавляется дома с мужчиной!» – эта мысль больно ранила мне сердце. Но я любил мать и не хотел оскорблять ее при чужом человеке. К тому же я его узнал: это был сын нашего господина. Именно он! Это он погубил моего дедушку, моего отца, а сейчас пришел погубить мою мать. В глазах у меня потемнело от гнева. Я, кажется, успел услышать, как мать шепнула ему: «Уходите скорей, а то вернется Нью-эр». Сын господина что-то ответил, и мать продолжала: «Прошу вас, не приходите часто, а то столкнетесь с ним. Пожалейте меня!» Когда я очнулся, в комнате осталась одна мать. Она задумчиво сидела с поникшей головой на краю кровати. Вбежав в комнату, я бросился к матери и уткнулся ей в колени. Она вздрогнула, лицо ее залилось краской. Она испуганно спросила: «Это ты?» Я крепко обнял ее и стал укорять: «Мама, как тебе не стыдно! Не прошло и года после смерти отца, а ты проводишь время с другим!» Она молчала, но я чувствовал, как задрожала ее рука, лежавшая на моей голове. «Я учусь, а ты чем занимаешься?! И не стыдно тебе, мама!» – «Нью-эр!» – воскликнула мать и, упав на кровать, забилась в рыданиях. Слезы матери смягчили меня. Я вспомнил, как она меня любит, как жалеет, как каждый вечер вместе со мной повторяет уроки, как подбадривает меня. И я виновато сказал ей: «Мама, я не прав. Я не должен был причинять тебе боль. Прости меня». Она не двигалась. Только через несколько мгновений подняла голову и, обняв меня, печально промолвила: «Нет, ты прав, Нью-эр. Это я должна просить у тебя прощения. После смерти отца в моем сердце остался только ты, и живу я только ради тебя. Если бы не было тебя, я предпочла бы умереть вместе с твоим отцом. Разве ты не помнишь, что говорил отец перед смертью? Он сказал, что ты не должен быть рабом, что ты должен учиться и стать человеком. Он пожертвовал своей жизнью, а разве я не могу пожертвовать своим телом? Не знаю, то ли желая оскорбить отца, то ли по какой-нибудь другой причине сын господина вечно приставал ко мне. Говоря по совести, когда я работала в господском доме, я все время старалась избегать его и осталась чиста душой и телом. Но теперь, после того как твой отец умер и мы переехали сюда, он стал приходить ко мне. Конечно, я понимаю, что для него я только забава. Но что поделаешь – я хороша собой. Теперь мы не работаем на них, но живем на их деньги. Ты должен учиться, и тебе тоже нужны их деньги. Я вынуждена уступать ему. Он приходил сюда уже много раз... Сынок, прости меня! Для того, чтобы ты учился, чтобы не был больше рабом, твоя мать не пожалела себя». Конечно, и мать тогда говорила не так, и мои слова были иными. Я помню только смысл нашего разговора. Я крепко обнял ее; я почувствовал, что люблю ее, люблю еще сильнее, чем прежде. Охваченный чувством жалости, я умолял ее: «Мама, ты так мучаешься. Я брошу учебу. Не хочу, чтобы ты страдала. Лучше я останусь рабом». Она поспешно прикрыла мне рот рукой: «Не болтай глупостей! Ты должен учиться,

должен стать человеком. Тело твоей матери уже осквернено. Чтобы ты учился, твоя мать согласна страдать всю жизнь». Плача, она весь вечер уговаривала меня, и в конце концов я внял ее мольбам. На следующее утро я, как обычно, пошел в школу и больше не заводил таких разговоров. Я был прилежным и жадно впитывал в себя знания. Я верил, что они откроют мне путь в землю обетованную. Я решил во что бы то ни стало выполнить волю отца, желавшего, чтобы в нашем роду не было больше рабов. Но горькая действительность давила тяжелым бременем, а призрак прошлого когтями впивался в сердце. Жизнь мучительна, в особенности для человека, который напрягает все силы, чтобы выкарабкаться из рабского положения. И все же в моем сердце жила надежда, я любил мать и помнил ее желание. Это побуждало меня терпеть все. Сын господина приходил часто, даже при мне. Мать его принимала. Я смертельно его ненавижу, но ничем не выказывал своей ненависти. После его ухода мать становилась другой. Не переставала плакать, и стоило немалых усилий ее успокоить. Мать не выдержала бы долго такой жизни. Но, к счастью, через четыре-пять месяцев сын господина взял себе молодую наложницу и перестал к нам ходить. Несколько лет, до самого моего отъезда, мы жили спокойно. Перед смертью мать очень страдала. Ее, видимо, мучила мысль, что она не доживет до моего окончания университета, и еще воспоминания о принесенной ею жертве. Чем я мог ее утешить? Я только рыдал у нее на груди. Прошло три года, как умерла мать. Я постоянно вспоминаю о ней, все время вижу перед собой деда и отца. Часто думаю об их жалком существовании и горжусь ими. Мой дед был рабом, и я горжусь этим, мне ни капли не стыдно! И хотя дед повесился, ложно обвиненный в краже, а отец, вместо преступника пошел в тюрьму и там умер, мать была опозорена, – никто не может обвинить их в непорядочности. Разве загубили они кого-нибудь?... – Пэн едва не кричал: – Да, ты можешь смеяться над ними, можешь их презирать. Если бы ты знал их сердца! Их золотые сердца, которые не найти у людей, подобных вам! Часто до глубокой ночи я не могу сомкнуть глаз. Я думаю о них. Одна мысль гложет меня. Я нежусь в постели, а где-то еще миллионы рабов оплакивают свою несчастную долю; они живут такой же жизнью, как жил мой дед, так же сильно страдают. Сейчас, когда господа находятся в объятиях сна, одни рабы, ложно обвиненные в краже, ждут утра, чтобы повеситься; других принудили понести наказание за господ, и они ждут, когда их поведут в тюрьму; их дочери спят в объятиях господ; дети горько плачут, в последний раз обнимая отцов. В такие минуты сердце мое наполняется беспредельной ненавистью. Я проклинаю вас, проклинаю людей, подобных тебе! Я готов истребить вас всех до единого! Вы загубили моего деда, купили жизнь моего отца, надругались над моей матерью. Они давно мертвы, а вы все еще живете. Я должен отомстить вам...

Вид его был ужасен. Он встал, подошел ко мне. В страхе я готов был кричать и приготовился защищаться. Но он прошел к окну и стал смотреть на улицу. Внезапно, указывая на что-то пальцем, он гневно сказал:

– Смотри!

Взглянув в указанном направлении, я увидел площадку для гольфа, залитую электрическим светом; несколько служителей прохаживались у входа, а полуобнаженная девушка-иностранка продавала билеты. Разодетые молодые люди и девушки с праздным видом направлялись ко входу.

– Мы трудимся в поте лица. Вешаемся, умираем в тюрьмах, наши женщины терпят надругательства, наши дети горько плачут. А эти? Ни у одного из них нет совести!

Слушая его гневный голос, я вдруг прозрел. Воображение нарисовало мне множество трагических картин. А я еще хотел удвоить количество своих рабов. «Шестнадцать и тридцать два» – эти две цифры неотступно стояли перед моими глазами. Мне вдруг показалось, будто это я – сын господина, будто это я ложно обвинил чужого деда, загубил чужого отца, надругался над чужой матерью. Ужас охватил меня. Мне показалось, будто пришел час возмездия, и я закричал в страхе.

– Что с тобой, Чжэн? Почему ты кричишь? – спросил Пэн мягко.

Я долго не мог произнести ни слова, только протирал глаза.

– Ты меня боишься? Но ты ведь знаешь, что я не могу причинить тебе вреда, – сказал он, усмехнувшись.

Я успокоился и пристально поглядел ему в лицо: в нем не было злобы.

– Пэн, – спросил я с удивлением. – Зачем ты спас мне тогда жизнь? Я ведь тоже рабовладелец и, стало быть, твой враг. Что же ты не дал машине задавить меня?

Он долго молчал. Затем улыбнулся и с горечью произнес:

– Возможно, во мне все еще бьется сердце раба.

Я был тронут и молча смотрел на него, еле сдерживая слезы.

Решив, что я его не понял, он пояснил:

– Навсегда отказаться от собственного счастья и строить счастье для других, добровольно, без малейшего сожаления жертвовать ради других собственной жизнью – вот как поступает человек с сердцем раба. Это сердце прадед мой передал моему деду, дед – отцу, отец – мне.

Он показал рукой на грудь. Я взглянул, и мне показалось, будто я вижу большое алое сердце. Я опустил голову и взглянул на собственную грудь под красивой фланелевой пижамой.

– Это сердце раба... Когда только я избавлюсь от рабской психологии? – В словах его слышалось отчаяние.

Я зажал уши. Пожалуй, у меня вообще не было сердца, даже сердца раба! Стыд, страх, печаль, смятение охватили меня.

Я даже не заметил, когда ушел Пэн.

Потом я редко его видел. Он стал вести себя довольно странно: почти не показывался на площадке, не гулял около университета, редко бывал дома. Мы стали чужими. Вскоре я забыл о нем. У меня были свои друзья, свои развлечения. Я ходил в кино, посещал танцы, играл с девушками в гольф. А когда разговор заходил о рабах, я гордо заявлял:

– У нас в семье их шестнадцать, но у меня непременно будет тридцать два!

Не прошло и нескольких лет после окончания университета, как желание мое осуществилось: у меня стало тридцать два раба. Они верно служили мне и моим домочадцам. Я рад, я доволен, я горд! И начисто забыл историю раба, которую мне рассказал Пэн.

Однажды я вместе с женой дышал свежим воздухом в саду, а пятеро рабов, стоя на почтительном расстоянии, ожидали моих распоряжений. Я просматривал свежую газету и в отделе городской хроники случайно натолкнулся на заметку о расстреле революционера по фамилии Пэн, имя тоже совпадало. Я понял, что это мой благодетель, которого я давно забыл. Его рассказ вновь всплыл в моей памяти, и я подумал, что теперь он навсегда избавился от своего рабского сердца, и в их роду больше не будет рабов. Возможно, это было счастье для Пэна. Но я вспомнил, как он спас мне жизнь, и почувствовал невольную грусть. Рассеянно глядя в газету, я некоторое время пребывал в раздумье. Потом обронил тяжелый вздох.

– Милый, о чем ты вздыхаешь?

Жена бросила на меня тревожный взгляд и ласково погладила мою руку.

– Так, ни о чем. Умер один мой бывший однокашник. Бедняга! – ответил я рассеянно и, взглянув в красивое лицо жены, исполненное заботы, в ее большие ясные глаза, сразу обо всем забыл.

1931